

Тишина, последовавшая за суровыми словами Миюки, тяжело повисла в воздухе, сильнее даже горя, которое душило Кадзухито. Вот он, опытный Джонин, его Шаринган пылает смесью печали и ярости, но все же запуганный перед женщиной. Не просто женщина, а Миюки Учиха, жена уважаемого старейшины Кансуке. Повысить голос против нее было бы все равно, что бросить вызов опытному ястребу камешком. Сдвувшись, Кадзухито опустил голову. Голос Миюки смягчился, редкая уступка в ее обычном стоицизме. – Ризе доверила мне эту тайну, – объяснила она. – Она знала ваше неприятие... рисков. Но она держалась за надежду, надеясь выжить и вместе вырастить сына. Казухито взглянул на крошечный сверток в руках акушерки. Шун, его сын. Но это зрелище только усилило бурю внутри него. Последний вздох Ризе эхом отдавался в его ушах, болезненное напоминание о цене этой новой жизни. Он хотел оттолкнуть Шуна, отрицая какую-либо связь с причиной смерти его жены. Отчаяние затуманило его рассудок. – Я не могу его принять, – прохрипел он хриплым голосом. – Мой сын умер вместе с Ризе. Миюки, опытный военный медик, видела смерть во всех ее ужасных формах. Тем не менее, это холодное неприятие новорожденного ребенка вызвало у нее дрожь по спине. Одно дело встретить смерть на поле битвы, и совсем другое – стать свидетелем того, как она гноится внутри самого клана Учиха. Холодный шепот сорвался с ее губ: – Ты позоришь имя Учиха. Это не было задумано как прямое нападение, но у Кадзухито расшатанные нервы сломались. Он был джонином, уважаемым воином, и вот его судила женщина в ее собственном доме. – Что вы только что сказали? – он сплюнул, его глаза стали жестче. Миюки не вздрогнула. – Правда, – ответила она, ее голос был пронизан сталью. – Учихи не бросают своих. Никогда не. Резкость ее слов вызвала у Кадзухито яростную реакцию. – Легко тебе говорить, – выплюнул он в ответ, его Шаринган пылал смесью горя и ярости. – Ты не понимаешь, через что я прохожу! – взревел он. Миюки встретила его яростный взгляд с холодным безразличием. – Пожалуй, нет, – признала она. – Но я бы, по крайней мере, не отказалась от своего ребенка. Вы мне противны своей трусостью! – рявкнул Кадзухито. Плотина, сдерживающая его эмоции, прорвалась. Горе, а теперь и унижение разожгли в нем опасный коктейль. Он бросился к своей кобуре для куная, единственное убийственное намерение поглотило его. Но Миюки была опытным военным медиком, ее рефлексы отточены годами боевого опыта. Быстрее, чем думала, она выхватила три иглы Сенбона, кончики которых сверкали смертоносным блеском. Холодный металл, прижатый к шее Кадзухито всего в нескольких дюймах от яремной вены, говорил о многом. – Еще шаг, – прошипела она низким и опасным голосом, – и ты надолго вздремнешь. У Кадзухито перехватило дыхание. Его охватила паника, но он знал, что лучше не сопротивляться. Он быстро укрепил мышцы шеи чакрой, в отчаянной попытке создать барьер. Это было бесполезно. Движением запястья Миюки отправила иглы в полет. Глаза Кадзухито расширились от недоверия, когда сенбон пронзил его плоть. Он рухнул на землю, с губ сорвался сдавленный вздох. Миюки вздохнула, тяжесть ситуации давила на нее. Убийство товарища Учихи, даже убитого горем, не воспринималось ею легкомысленно. Но по холодной ярости в глазах Кадзухито она знала, что он был на грани совершения гораздо худшего греха. Он собирался убить ребенка по первой попавшейся причине. – Учиха, возможно, ценят силу, – пробормотала она, стоя на коленях рядом с потерявшим сознание Джонином, – но кровные узы священны. Учиха, который даже считает, что причинение вреда своим родственникам является мерзостью, изгнанным и подвергнутым остракизму. Война закалила их всех, сделала безжалостными в стремлении к выживанию. Упадок клана Сендзю стал суровым напоминанием о последствиях слабости. Учиха очень ценили свое молодое поколение, и любая угроза их молодому поколению устранялась быстро и безжалостно. Даже малейшее намерение причинить вред ребенку клана Учиха каралось смертью. Взгляд Миюки остановился на Шуне, который перестал плакать, его темные глаза были широко раскрыты и немигали. Плач новорожденного утих, сменившись странной тишиной. Миюки взяла маленький сверток, его темные глаза смотрели на нее с пугающим вниманием. – Ты напоминаешь мне мою собственную дочь, – задумалась она уже мягче. – Возможно, мне удастся убедить Кансуке позволить тебе остаться с нами. Кто знает, может быть, однажды вы

станете грозным шиноби, а может быть, вы просто станете еще одним лицом в толпе. Время покажет... Шун, по-видимому, утомленный своими предыдущими криками, оставался тихим, его крошечная рука хваталась за воздух. Он был загадкой, чистым листом, на котором еще только предстоит написать. Вырастет ли он верным и свирепым Учихой, или тень его рождения навсегда испортит его судьбу? ~ ~ ~Через 5 лет~ Пять лет. Пять изнурительных лет длилась Вторая Война Шиноби. Каге, уставшие и ослабленные, отчаянно пытались заключить мирный договор. Но переговоры зашли в тупик. Кумо и Ива, огорченные предложенными условиями, упорно цеплялись за свою агрессию, бросая все больше и больше шиноби в кровавую пасть войны. Сюн Учиха, восседавший на крыше с видом на деревню, не обращал внимания на далекие грохоты конфликта. Его юный взгляд был прикован к колоссальному каменному лицу Хаширамы Сендзю, Бога Шиноби, выгравированному на горе Хокаге. Эта легендарная личность, наряду с Мадарой Учихой из его собственного клана, была мифическими гигантами, о которых шептались в каждом доме Учиха. Они были сильнейшими монстрами, изменившими мир ниндзя. В историях говорилось об их последнем столкновении, дуэли, которая закончилась тем, что Хаширама нанес последний удар Мадаре. Хотя клан Учиха, возможно, и не соглашался с методами Мадары, они не могли отрицать его явную силу. Шун, мальчик с амбициями, ярко горящими в его темных глазах, мечтал владеть хотя бы частью силы, которой обладали эти титаны. Нежный голос нарушил тишину. – Шун-Шун, спускайся сейчас же. Завтрак готов, прежде чем вы отправитесь в Академию. – Он повернулся и увидел Микото Учиху, дочь Кансуке и Миюки, ее отражение в темных глазах смягчилось беспокойством. Хотя она была немного старше, такие детали не имели значения в их дружбе. Шун ухмыльнулся и последовал за ней по проворным ступенькам вниз по лестнице. Он не удивился, обнаружив пропажу Кансуке. Казалось, у Хокаге всегда была работа, которую мог выполнить только Кансуке. Сюн и Микото были хорошо знакомы с этими отсутствиями. Завтрак прошел тихо. Но когда они закончили, обычно теплое выражение лица Миюки стало серьезным. – Микото, почему бы тебе не пойти подготовиться? Мне нужно поговорить с Шуном... наедине. – Микото, почувствовав тяжесть в голосе матери, послушно кивнула и исчезла в своей комнате. Миюки встретила взглядом с Шуном. В ее взгляде застыла нотка печали. – Мы уже говорили тебе, дорогая, что мы не твои биологические родители. Твои настоящие родители... они ушли. Голова Шуна резко вскинулась. Это не была новая информация, но невысказанная правда тяжело висела в воздухе. Он всегда задавался вопросом о своем прошлом, о том, кто забрал его родителей. Миюки, глубоко вздохнув, поняла, что не сможет продолжать скрывать правду. В конце концов он узнает, возможно, из менее доброго источника. При этом она продолжила: – Вы спрашивали об их смерти, не так ли? Что ж, пришло время рассказать вам всю историю. Сюн встретился с ней взглядом, его темные глаза были полны глубины, которая удивила даже Миюки. Он был готов. Тайну, словно гноящуюся рану, больше нельзя было игнорировать. – Твоя мать, – начала она, – ушла из жизни, родив тебя. Твой отец... ну, он был убит горем. Он не мог вынести мысли о тебе и подумывал о том, чтобы бросить тебя. – Ее голос стал жестче, когда она вновь пережила это воспоминание. – Видишь ли, я был рядом с твоей матерью во время родов. Я пытался его урезонить, убедить его в здравом смысле. На лице Миюки промелькнула вспышка гнева. – Но твой отец... он потерялся в своем горе. Он напал на меня и тоже хотел убить тебя. В этот момент, Шун... – она заколебалась, ее голос понизился до тихого шепота, – мне пришлось защитить себя. А ты. – Откровение повисло в воздухе, тяжелое и окончательное. Шун отреагировал не сразу. Он просто смотрел, впитывая правду, которая так долго была скрыта.